

УДК 1571

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-115-124

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК КАК СИМВОЛ БЛАГОРОДНОГО ДЕЛА И БЕССМЕРТИЯ

Маркова А. С.¹, Мамукина Г. И.², Минова М. В.³

¹Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

²Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

³Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. В статье исследуется образ Голубого цветка как символ благородного дела с опорой на средневековый шванк «Крестьянин Гельмбрехт», на роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген», а также на рецепции голубого цветка в мировой и отечественной литературе.

Процедура и методы исследования. Для установления взаимосвязи между образом Голубого цветка и смысловой составляющей «благородное дело» авторами использованы методы анализа и синтеза, а также историко-генетический метод для определения рождения и развития образа Голубого цветка.

Результаты проведённого исследования. Доказана взаимосвязь образа Голубого цветка с благородным делом как одной из составляющих его символа.

Теоретическая / практическая значимость. Исследование подтверждает, что образ Голубого цветка является символом благородного дела, а также частью мифического, целостного сознания.

Ключевые слова: Голубой цветок, метамодернизм, рецепция, мифическое сознание

BLUE FLOWER AS A SYMBOL OF NOBLE CAUSE AND IMMORTALITY

A. Markova¹, G. Mamukina², M. Minova³

¹Independent researcher, Moscow, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanniy per., Moscow 115054, Russian Federation

³Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanniy per., Moscow 115054, Russian Federation

Abstract.

Purpose. The article explores the image of the Blue Flower as a symbol of a noble cause basing on the medieval “Meier Helmbrecht” medieval poem, on the novel by “Heinrich von Ofterdingen,” as well as on the reception of the blue flower in the world and national literature.

Methodology and Approach. To establish the relationship between the image of the Blue Flower and the semantic component of the noble cause, the authors used the methods of analysis and synthesis, as well as the historical and genetic method to determine the birth and development of the image of the Blue Flower.

Results. The relationship of the image of the Blue Flower with the noble deed as one of the components of its symbol is proved.

Theoretical and Practical Implications. The study confirms that the image of the Blue Flower is a symbol of the noble cause as well as part of a mythical, holistic consciousness.

Keywords: Blue flower, metamodernism, reception, mythical consciousness

Задолго до того, как в мировой литературе появился образ Голубого цветка, в XIII веке, в немецкой словесности стал популярен шванк «Крестьянин Гельмбрехт», в котором не только поставлена проблема социальной вертикальной мобильности, но и заострено внимание на расщеплении целостного («мифического», по А. Ф. Лосеву) сознания. Одним из последствий стала утрата понимания «благородного дела»¹ как цели жизни, как пути к бессмертию.

Вместо служения своему призванию человеку было предложено заниматься наиболее эффективной для него деятельностью, которая могла бы материально упрочить его социальный статус и обеспечить благосостояние. Морально-нравственная сторона являться необходимой составляющей труда, а сама ежедневная рутинная деятельность стала восприниматься как тяжкое бремя, а не как работа над собой. И требовала вознаграждения в виде мгновенной прибыли. Об этом пишет Э. Фромм, цитируя проповедника Мартина Бутцера: «Все вокруг ищут занятий, дающих наибольшую выгоду. Все готовы променять науки и искусства на самый низменный ручной труд. Все умные головы, наделенные Господом способностями к благородным наукам, захвачены коммерцией, а она в наши дни столь проникнута бесчестностью, что стала наипоследнейшим делом, которым мог бы заниматься достойный человек» [17, с. 61].

Иными словами, смыслом жизни человека стало не дело, которому бы он предавался всей душой, которому бы служил, а то, что «стало иметь свою цену, что можно было бы продать и купить» [11, с. 91].

Но такое восприятие не могло полностью удовлетворить человеческие потребности в самовыражении, в формировании интеллектуального и духовного облика. Индивид чувствовал собственную ограниченность в предложенных утилитарных рамках. Поэтому бунт романтиков – «живой, цельной и непредсказуемой личности» –

против «механизации Просвещения» [5, с. 15] был вполне ожидаем и имел широкий резонанс в мировом историко-культурном процессе.

Одним из первых романтиков, который теоретически осмыслил проблему разрозненного мышления, был Новалис. Поэт не просто осознавал, что реальность лишена гармонии, но и искал пути восстановления симультанно-синкретического сознания. И ключевую роль в процессе возвращения целостного восприятия, по его мнению, будет играть поэзия как созидательная, действенная сила. Е. В. Давыдова отмечает: «Когда Новалис говорит о волшебном, магическом, он всегда говорит о поэзии. Причем в выражениях типа «волшебная сила поэзии», «в поэзии каждое слово есть слово заклятия», типичных у Новалиса, слова «волшебный», «заклятие» употребляются не в переносном смысле, не в смысле «прекрасный», а употребляется в прямом значении. Для Новалиса поэзия наделена не просто силой эстетического воздействия на читателя, но силой воздействия на мир, силой изменения этого мира» [4, с. 90-91].

Поэзия, в свою очередь, опирается образы. И не просто на образы, а на символы-архетипы, способные воздействовать на национальное сознание, так как содержат в себе скрытые национальные коды, – на миф. И так как «существенное вскрытие понятия мифа» возможно только на материале, «который дает само мифическое сознание» [7, с. 35], то приходится допустить, что, по принципу голографизма, каждый символ способен нести в себе всю информацию о целостном сознании и при этом являться самостоятельным целым. В данном контексте «под голографизмом понимается способность содержать многое в малом (*multum in parvo*)» [8, с. 128-138].

Иными словами, мы можем предположить, что центральный образ поэтики Новалиса (Фридриха фон Гарденберга) – *Голубой цветок*, – вошедший в мировую литературу благодаря роману «Генрих фон Офтердинген», несёт в себе смысловую доминанту «благородного дела», которое для

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 24.

самого поэта заключалось в формировании единого, поэтического сознания.

Голубой цветок является многофункциональным символом. В немецкоязычной литературе он имеет дефиниции «веры в чудеса» (Г. Гейне), «залога счастья» (Д. Эйхендорф) и «прообраза человеческой души» (Х. Риттер-Шаумбург), открывая немецкоязычным писателям, поэтам и исследователям бесконечность постигаемого смысла, а внимательному читателю – «область коллективного бессознательного, где возможна встреча с истинным чудом» [10, с. 188; 9, с. 207].

Также образ Голубого цветка можно причислить к «литературному архетипу женщины-цветка» [3, с. 247], о котором пишет С. Г. Горбовская, исследуя творчество С. Малларме.

Однако дефиниция *Голубого цветка* как «благородного дела» была до настоящего времени не акцентирована и, как следствие, не до конца изучена.

Голубой цветок, по нашему мнению, является непосредственным символом благородного дела, которое открывает горизонт самосовершенствования и самовыражения, а также воплощает подлинную любовь к жизни, к каждому её мгновению.

При этом необходимо заметить, что данный смысловой аспект сохраняется не только непосредственно в произведении Новалиса, но и в рецепциях образа Голубого цветка в мировой литературе.

Для подтверждения данной гипотезы предлагается сравнить поэму В. Садовника «Крестьянин Гельмбрехт» с отображением образа Голубого цветка в мировой словесности.

Сравнение представляется легитимным, так как и поэма «Крестьянин Гельмбрехт», и образ Голубого цветка являются продуктами мифического сознания. Шванк В. Садовника называют произведением, «отразившим развитие самосознания немецкого народа» [16, с. 79] и показавшим «крестьянское сознание <.....>, целостную мифическую систему» [12, с. 197], а образ Голубого цветка «опирается на старинные средневековые немецкие легенды» [3,

с. 117], и его связь с «народным преданием о голубом цветке пастухов» вполне логична [1, с. 18].

Мы находим подтверждение этому мнению в самой немецкой словесности. Я. Гримм в «Немецкой мифологии» пишет о голубом цветке как о «безымянном чудесном голубом цветке» (*die ungenannte blaue Wunderblume*) [18], подчёркивая его особую роль для германского народа. Это подтверждает взаимосвязь образа с менталитетом народа, для которого идея «благородного дела» является одним из национальных кодов.

Напрямую эта мысль находит своё подтверждение в произведении В. Садовника. Старший Гельмбрехт, увещевая сына, говорит: «Вот если б ты пошёл за плугом / И, мерясь силами друг с другом, / Мы запахали бы свой клин, / Счастливей был бы ты, мой сын, / И даром не потратив силы, / Дожил бы честно до могилы»¹.

В этом небольшом отрывке представлен крестьянский космос. Старик хочет, чтобы сын проникся его представлением о труде и занял бы место рядом со своим родителем на пашне, как это сделал он сам, Гельмбрехт-старший, приняв клин от своего отца. Есть стремление к соревнованию друг с другом — к честной борьбе, в которой рождается лучший результат. И главное — отрывок о том, что силы, вложенные в «благородное дело», никогда не будут потрачены напрасно. Жизнь будет иметь смысл.

Сын возражает: «Чем честно бедствовать с тобой, / Уж лучше я пушусь в разбой, / Одежду заведу их меха, / Нам зимний холод не помеха – / Всегда найдем и стол, и кров, / И стадо тучное быков...»². Сын Гельмбрехт показан как человек беспринципный, жаждущий сиюминутной выгоды, эгоистичный и, как потом убедится читатель, жестокий.

Слово «разбой» для Гельмбрехта-младшего означает сытую, довольную жизнь, он уверен, что сможет силой взять то, что пожелает, возвыситься надо все-

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 14.

² Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 20.

ми, сделаться благородным «рыцарем». Молодой человек не собирается ни с кем считаться, в том числе со своими родными односельчанами, которых, как читатель вскоре увидит, тот готов грабить и убивать без зазрения совести.

А для прикрытия зверств и преступлений Гельмбрехт-младший желает использовать свой новый социальный статус.

Отец это понимает и приводит, как ему кажется, однозначный довод в пользу честного труда: «Ты быть стремишься благородным, / Сумей же оказаться годным / На благородные дела, / Они для замка и села / Единый истинный венец»¹.

Благородное дело представляется «истинным венцом», то есть такой победой, которая в античном мире открывала путь в бессмертие. Для отца Гельмбрехта очевидно, что не одежда и не достаток определяет человека, а отношение его к Делу, к труду.

Поэма во времена В. Садовника была остросоциальной. Многие знатные феодалы не гнушались откровенным грабежом крестьян, проживающих в их владениях и вместо того, чтобы быть защитниками территорий, становились тиранами. Вертикальная мобильность приводила к тому, что дети зажиточных крестьян оставляли родной дом и тоже примыкали к таким бандам.

Понимание «благородного дела» утрачивалось. Но до конца не исчезло.

Роман «Генрих фон Офтердинген» открывается молитвой в ночи: «Нет, не клды пробудили во мне столь несказанное влечение, – говорил себе юноша. – Я далек от корысти: по голубому цветку я тоскую, увидеть бы мне только голубой цветок»².

Главный герой, во сне узревший образ Голубого цветка, верит, что ему откроется что-то важное, если он пойдёт за ним. И молодой человек отправляется в странствие.

По форме произведение представляет роман воспитания, центральной идеей ко-

торого является нравственное становление центрального персонажа. Новалис писал его под впечатлением от романа И. В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». В обоих произведениях путь героя — обретение смысла жизни.

Мы можем сказать, что Генрих, главный герой, близок своему создателю, так как сам Фридрих фон Гарденберг тоже стремился постичь суть всех вещей и был «охвачен любознательностью, которая распространялась на области, явно выходящие за пределы обязательных для того времени учебных предметов: его конспекты книг из различных областей знаний образуют целые тома, и по широте интересов его нередко сравнивают с Лейбницем и Гёте» [6, с. 394].

Новалис не просто изучал материал и впитывал информацию, он искал возможности применить свои силы во благо. Об этом тонко свидетельствует лауреат Букеровской премии, британская писательница П. Фицджеральд в романе «Голубой цветок», посвящённом жизни и творчеству поэта. Писательница так описывает разговор Фридриха с отцом и дядей: «Во время моих занятий в Йене, и теперь в Лейпциге, вы, дядюшка, недоумевали, зачем историю и философию предпочел я праву, а вы, батюшка, обиделись, когда я сказал, что даже и право предпочтительнее богословия. Но теперь я хочу, чтобы вы оба сложили с себя все заботы обо мне, отрясли, как прах от ног своих. Теперь я понял, что мой долг — быть солдатом»³.

Солдатом поэту стать не пришлось, но его стремление к самореализации в этом отрывке ощущается. И гораздо большее в том, где Новалис начинает вести дневниковую (литературную) деятельность: «И тогда он написал: «Но есть во мне, этого не могу я отрицать, неизъяснимое чувство бессмертия»»⁴.

И это чувство бессмертия воплощает в его трудах, в стремлении служения

¹ Садовник В. Крестьянин Гельмбрехт / пер. Р. Ф. Френкель. М.: Наука, 1971. С. 24.

² Новалис. Генрих фон Офтердинген. М.: Наука, Ладомир, 2003. С. 4.

³ Фицджеральд П. Голубой цветок / Пер. Е. Суриц // Иностранная литература. №9. М., 2016. С. 31.

⁴ Фицджеральд П. Голубой цветок / Пер. Е. Суриц // Иностранная литература. №9. М., 2016. С. 34.

своей прекрасной даме, в приближении «золотого века» (о чём он напишет в эссе «Христианство или Европа»). Всё это обрело зримое воплощение в образе Матильды (Цианы), «Голубого цветка»: «Считается, что Новалис нашел в Софии столь ценную им поэзию утреннего часа («Дева — это вечное, женственное дитя»¹), которая станет в творчестве Новалиса провозвестницей возвращения золотого века» [6, с. 396].

Новалис чутко ощущал утрату целостного сознания, и полагал, что первая любовь «почила под гнётом деловой жизни»², полагал, что только возвращение в лоно католической церкви может исправить ситуацию и «стремился призвать к духовной борьбе» [10, с. 141].

Это стало его делом жизни, как и роман «Генрих фон Офтердинген», где «каждый чувственный образ предстает как миф, символ» [6, с. 404]. А сам образ Голубого цветка принял на себя значение «бескорыстного, бесконечного стремления к горизонту, к заветной мечте (*die Blaue Blume* – современный нем. фразеологизм «несбыточная мечта»)» [9, с. 206], что впоследствии нашло отражение в его рецепциях.

Наиболее интересны рецепции образа Голубого цветка в русской литературе, так как отношение к труду как к «благородному делу» также является одним из национальных русскоязычных кодов, что подтверждает и интерес, который был «стабильным и продолжительным» [4, с. 7], отечественных литераторов к творчеству и эстетическому наследию йенского романтика.

Те из них, что принадлежат к русскому символизму начала XX века, отмечены большим разнообразием. Связано это как с формированием идеи постижения истины через искусство, так и со стремлением обретения гармонии с миром. О. Ю. Панова в своей статье «Человек в

модернистской культуре» отмечает: «Идее о том, что искусство сможет заменить человеку религию и стать великой интегрирующей и смыслообразующей силой, была суждена долгая жизнь. Искусство с умиранием религии должно взять на себя функцию метафизического утешения – эту мысль, зародившуюся в романтизме, на разные лады повторяют в XX в. Уайльд и Генри Джеймс, Джойс и Сартр, Малларме и Элиот, Х. Л. Борхес и Дж. Барт» [15].

Иными словами, дело жизни — постижение истины, Софии, и воплощение её через литературное творчество, символ и миф – требовало нового развития.

Художники, музыканты, писатели и поэты мыслили себя как проводники и вместе с тем — жрецы Искусства, которым доступен мир сакрального, которые могут поделиться его светом с простыми смертными через творчество.

Голубой цветок становится универсальным мультикультурным символом [14], ощущается для каждого чем-то личным, узнаваемым, но непостижимым. Каждый пытается самостоятельно «вникнуть в трепет голубой»³ и добыть «лилею голубую»⁴.

В отечественной литературе этого времени образ встречается в творчестве многих поэтов: Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова, А. Белого (Б. Н. Бугаева), А. А. Блока, И. Северянина (И. В. Лотарёва), Н. С. Гумилёва, Н. Тэффи и др.

В. Я. Брюсов пишет статью «Голубой цветок», в которой так же, как и Новалис в своём эссе, говорит о необходимости формирования нового целостного (в статье оно фигурирует как «религиозное»⁵) сознания.

В какой-то мере этим надеждам суждено было сбыться. Приходит новая эпоха, неисполненная тоже романтического пафоса, правда несколько отличного от того, каким были полны поэты Серебряного века.

¹ Новалис. Фрагменты // Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб.: Евразия, 1995. С. 157.

² Новалис. Христианство, или Европа. Фрагмент // Новалис. Генрих фон Офтердинген (Heinrich von Ofterdingen) / Изд. подгот. В. Б. Микушевич; отв. ред. Р. Ю. Данилевский, Д. Л. Чавчанидзе; ред. [изд-ва] О. В. Бодешко. М.: Ладомир; Наука, 2003. С. 135.

³ Тэффи Н. Семь огней. СПб.: Шиповник, 1910. 120 с.

⁴ Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1990. 461 с.

⁵ Брюсов В. Я. «Голубой цветок» [Электронный ресурс]. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19neuro-lit/articles-ger/bryusov-goluboj-cvetok.htm> (дата обращения: 24.10.2019).

Е. В. Давыдова отмечает: «Для Новалиса единственно возможным видится преобразование мира и достижение нового «золотого века» творческой деятельностью гения (поэта), – именно эстетизм этой утопии и привлекал русских символистов. Тогда как марксизм не приемлет эстетизм, выдвигая на первый план социальную сферу человеческой жизни, отвергая дух; рассматривая движущей силой прогресса пролетарскую массу, отвергая гения (единичную личность). Ориентируется на массу, а не на личность и «революционно-романтическая» поэзия: по сравнению с романтической и символистской лирикой у революционных романтиков 1920-1930-х годов на смену лирическому «я» приходит лирические «мы»» [4, с. 159].

Однако одно из произведений является рецепцией образа Голубого цветка, и оно гораздо сложнее, чем может показаться.

История, описанная в рассказе М. Горького «Голубая жизнь», развивается в провинциальном городке. Главный герой — Миронов — мечтает о Париже, как о некоем сказочном месте, которое представляется ему в голубой дымке. Главный герой — наблюдательный молодой человек, он фиксирует в своём сознании увиденные им вещи и предметы, подмечает детали. Саму попытку анализа он пресекает на корню. Не желает делать выводы и сопоставления. Как замечает герой, «когда думаешь, так кажется, что в тебе – двое, один – знает, другой – путает. А я не хочу думать. Душа не любит думать».¹

Он надеется когда-нибудь покинуть город, уехать в Париж, но для этого нужно знать французский, а язык даётся ему с большим трудом.

Жизнь героя преобразуется, когда Пасхальным утром он встречает соседскую девушку, давно ему знакомую. Но только теперь он видит в ней нечто особенное: «Лиза Розанова понравилась Миронову в первый день Пасхи, когда он увидел ее одетой в голубое платье; она шла из церкви,

торжественный колокольный звон провожал её, щедро освещало праздничное солнце, маленькая, стройная и в то же время пышная, как *необыкновенный цветок* (курсив наш. — Г. М., А. М. и М. М.), она была вся голубая, даже в голубых чулках».²

Фамилия Лизы также намекает читателю на то, что герой нашёл свой «голубой цветок», и становится понятным, почему «с того дня он сделал её соучастницей своей мечты о певучей, голубой жизни, она стала для него соломинкой в шумном потоке непонятного и пугающего».³

Миронов желает жениться на девушке, но сначала хочет привести в порядок свой дом — покрасить его голубой краской. Это приводит в замешательство город. Автор отмечает: «Улица всячески показывала, что голубой дом противен ей».⁴ Мальчишки даже забрасывают грязью голубые стены. И тут на пути героя возникает человек Каллистрат, который, уверяя, что желает помочь, на самом деле пытается привлечь к себе всеобщее внимание. Стать известным, популярным, обсуждаемым. Ему всё равно, каким образом (хоть сметаной забор красить).

Каллистрат представляет собой пример человека, который тратит силы напрасно. Деятельность его не только не приносит никакой пользы, но и вызывает напрасные волнения души и бурные эмоции, которые иссушают и опустошают дух. Имя *Каллистрат* (др.-греч. *Красивый воин*) изначально несёт в себе высокое значение, но в рассказе оно читается как «кастрат». Духовно немощный человек не способен к созидательной деятельности.

Однако Миронов не может противостоять новому знакомому, который «прилепился к нему»⁵, как тень.

Заканчивается всё драматично. Миронов оказывается в доме для умиленных, где происходит его полное

¹ Горький. М. Голубая жизнь // Горький М. Соб. соч. в 15 томах. М.; Ленинград: Гослитиздат, 1949. Т. 11. С. 264.

² Горький. М. Голубая жизнь // Горький М. Соб. соч. в 15 томах. М.; Ленинград: Гослитиздат, 1949. Т. 11. С. 245.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 273.

перформатирование как личности, его духовная основа разрушается, мир в его понимании упрощается – он становится дельцом, беспринципным и могущественным.

В рассказе М. Горького Мир (Миронов) — повержен. Смят мещанскими потребностями. А труд — Дело — сведено к жажде наживы.

Двадцатый век показал, что рассказ М. Горького можно считать пророческим. Человечество пережило много бедствий из-за желания больших удовольствий, «стада тучного быков», лёгкой и сладкой жизни — из-за того, что исключило само понимание «благородного дела» из деятельности, которую ведёт человек.

Более того, нельзя не согласиться с точкой зрения С. Г. Горбовской: «В 1930–1940-х гг. «голубой цветок» в Германии будет связан с одной из самых страшных идей XX столетия – идеей превосходства одной группы людей над другой, с идеей «сверхчеловека», голубой цветок Новалиса станет для идеологов Третьего рейха символом высшего идеала, стремления к обладанию особыми, недоступными для профанов знаниями» [2, с. 175].

Но сейчас в социально-культурном процессе наметились значительные перемены. Л. Тёрнер, один основателей нового течения метамоде́рнизма, в статье «Метамоде́рнизм: Краткое введение» заявляет: «Быть человеком – значит всегда быть направленным на что-то или на кого-то, отдаваться делу, которому цело-

век себя посвятил (курсив наш. – Г. М. и А. М.)»¹. Иными словами, речь идёт о самотрансценденции, которая «в концепции метамоде́рнизма имеет положительную социальную направленность» [13, с. 149], то есть воплощает то самое желание быть способным на «благородные дела», которое было органичным для целостного сознания.

Неудивительно, что в рамках нового течения интерес к Голубому цветку – как символу горизонта, «благородного дела» и даже бессмертия – снова возрос. Датская музыкальная группа взяла себе имя «Blauе Blume». Также название «Голубой цветок» имеет женский музыкальный коллектив из Сербии. Роман П. Фицджеральд «Голубой цветок» (1995) вошёл в десятку лучших исторических романов, по версии “The Guardian”².

Голубому цветку посвящают научные работы [1; 2; 4; 10; 14; 19], благодаря которым уже сегодня мы можем говорить о нём как о мультикультурном символе и универсальной культуре.

Сегодня мы видим, что сама жизнь стала восприниматься иначе. Мы уже способны говорить об ответственности. И, возможно, совсем скоро человечество снова обретёт такое понимание себя и мира вокруг, которое позволяет видеть «небо в чашечке цветка»³, иметь поэтическую чуткость к миру и желание творить благородные дела.

Статья поступила в редакцию 06.11.19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбовская С. Г. Из истории «Голубого цветка» как одного из художественно-литературных символов французской, немецкой и русской литератур XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. 2010. Вып. 1. С. 16–24.
2. Горбовская С. Г. Формирование художественного образа «голубой цветок» в мировой литературе XVII–XX вв.: от Жана де Лабрюйера к Раймону Кено // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2018. №54. С. 160–181.

¹ Тёрнер Л. Метамоде́рнизм: Краткое введение / пер. Устиновой А. [Электронный ресурс] // METAMODERN. Журнал о метамоде́рнизме: [сайт]. URL: <http://metamodernizm.ru/brief-introduction/> (дата обращения: 03.07.2018).

² Skidelsky W. The 10 best historical novels [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/culture/gallery/2012/may/13/ten-best-historical-novels> (дата обращения: 15.06.2018).

³ Блейк У. Избранное / Пер. С. Маршака. М.: Олма-Пресс, 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://blake.sacrum.ru/poem_proph.htm (дата обращения: 02.10.18).

3. Горбовская С. Г. Флорообраз во французской литературе XIX века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2017. 276 с.
4. Давыдова Е. В. Голубой цветок и русский символизм. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 192 с.
5. Зарубежная литература XX века: практические занятия / под ред. И.В. Кабановой. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 472 с.
6. История немецкой литературы: Новое и новейшее время / Под ред. Е.Е. Дмитриевой, А.В. Маркина, Н.С. Павловой. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. 808 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
8. Мамукина Г. И., Маркова А. С. Метамодернизм в концепции А.Е. Чучина-Русова «Единое поле мировой культуры» // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Научный журнал. 2018. №3 (39). С. 128–138.
9. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. №5. С. 205–208.
10. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Архетип «Голубого цветка» как национальный код и мифический символ в европейской культуре // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX-XXI века: коллективная монография. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 140-143.
11. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Метамодернизм: преодоление дискретности и индивидуализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №1. С. 89–98.
12. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Национальный код как смысловое ядро поэмы «Крестьянин Гельмбрехт» В. Садовника // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 195–204.
13. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Самоотрансценденция как отличительная черта героя метамодернистского произведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №3. С. 146–156.
14. Маркова А. С., Мамукина Г. И. Своёобразие понимания архетипа «Голубой цветок» другими культурами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. №2. С. 187-191.
15. Панова О. Ю. Человек в модернистской культуре // Официальный сайт филологического факультета МГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-gu/panova-article1-ru> (дата обращения: 25.10.19).
16. Френкель Р. В. Вернер Садовник и его поэма «Крестьянин Гельмбрехт» // В. Садовник. Крестьянин Гельмбрехт. М.: Наука, 1971. С. 79–92.
17. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. Г.Ф. Швейника. М.: АСТ, 2016. 288 с.
18. Grimm J. Deutsche Mythologie // Drei Lilien Ver-lag. W., 1992. 1552 p.
19. Klausnitzer R. Blaue Blume unterm Hakenkreuz. Die Rezeption der deutschen literarischen Romantik im Dritten Reich. F. Schöningh, 1999. 708 p.

REFERENCES

1. Gorbovskaia S. G. [From the history of the "Blue flower" as one of the literary characters in French, German and Russian literatures of the 19th century.]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9* [Bulletin of Saint Petersburg State University. Series 9], 2010, no. 1, pp. 16–24.
2. Gorbovskaia S. G. [The formation of the artistic image of "blue flower" in the world literature of the 17-20th centuries: from isolated maxims of La Bruyere Jean de to Raymond Keno]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: Philology], 2018, no. 54, pp. 160–181.
3. Gorbovskaia S. G. *Floroobraz vo frantsuzskoi literature XIX veka* [Floral image in the French literature of the 19th century]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2017. 276 p.
4. Davydova E. V. *Goluboi tsvetok i russkii simbolizm. Tvorchestvo Novalisa v kontekste russkoi literatury XX veka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01, 10.01.03* [Blue flower and Russian symbolism. The work of Novalis in the context of Russian literature of 20th century: PhD thesis in Philological sciences: 10.01.01, 10.01.03]. Moscow, 2001. 192 p.

5. *Zarubezhnaya literatura XX veka: prakticheskie zanyatiya* [Foreign literature of 20th century: practical classes] / ed. by I. Kabanova. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 472 p.
6. *Istoriya nemetskoj literatury: Novoe i noveishee vremya* [History of the German literature: modern and contemporary history] / ed. by E. Dmitrieva, A. Markin, N. Pavlova. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet [Russian State University for the Humanities Publ.], 2014. 808 p.
7. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 320 p.
8. Mamukina G. I., Markova A. S. [Metamodernism in the concept of A. Chuchin-Rusov «The Unified field of world culture»]. In: *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. Nauchnyi zhurnal* [Modern linguistic and methodical-and-didactic researches. The scientific journal], 2018, no. 3 (39), pp. 128—138.
9. Markova A. S., Mamukina G. I. [The archetype of the "Blue flower" as a national code]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2018, no. 5, pp. 205—208.
10. Markova A. S., Mamukina G. I. [The archetype of the "Blue flower" as a national code and a mythical symbol in European culture] // *Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v khudozhestvennom prostranstve XIX-XXI veka: kollektivnaya monografiya* [The paradigm of transition and images of a fantastic world in the artistic space of the 19-21 century: monograph]. Nizhny Novgorod: *Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. N.I. Lobachevskogo* [Lobachevsky Nizhny Novgorod State National Research University N. I. Publ.], 2019, pp. 140—143.
11. Markova A. S., Mamukina G. I. [Metamodernism: overcoming the discreteness and individualism]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 1, pp. 89—98.
12. Markova A. S., Mamukina G. I. [The national code as the semantic core of the poem "Meier Helmbrecht" by Wernher der Gartnaer]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 5, pp. 195—204.
13. Markova A. S., Mamukina G. I. [Self-transformation as a distinctive feature of hero of a meta-modern work]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 3, pp. 146—156.
14. Markova A. S., Mamukina G. I. [The peculiarity of the understanding of the archetype of the "Blue flower" by other cultures]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2019, no. 2, pp. 187—191.
15. Panova O. Yu. [People in modernist culture]. In: *Ofitsial'nyi sait filologicheskogo fakul'teta MGU* [Official website of the philological faculty of Moscow State University]. [Electronic resource]. Available at: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/panova-article1-ru> (accessed: 25.10.19).
16. Frenkel' R. V. [Wernher der Gartnaer and his poem "Meier Helmbrecht"]. In: [Wernher der Gartnaer. Meier Helmbrecht]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 79—92.
17. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom] / translated by G. F. Shveinik. Moscow, AST Publ., 2016. 288 p.
18. Grimm J. *Deutsche Mythologie* // Drei Lilien Ver-lag. W., 1992. 1552 p.
19. Klausnitzer R. *Blaue Blume unterm Hakenkreuz. Die Rezeption der deutschen literarischen Romantik im Dritten Reich*. F. Schöningh, 1999. 708 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Анна Сергеевна – независимый исследователь; инженер Московского вертолётного завода имени М. Л. Миля;

e-mail: lirel@yandex.ru

Мамукина Галина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;

e-mail: mamukina@mail.ru

Минова Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №3 Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;

e-mail: mariaminova543@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Markova – independent researcher; engineer, Moscow Helicopter Plant named after M. L. Mil';

e-mail: lirel@yandex.ru

Galina I. Mamukina – PhD in Sociological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;

e-mail: mamukina@mail.ru

Maria V. Minova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages No. 3, Plekhanov Russian University of Economics;

e-mail: mariaminova543@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маркова А. С., Мамукина Г. И., Минова М. В. *Голубой цветок* как символ благородного дела и бессмертия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 115–124.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-115-124

FOR CITATION

Markova A. S., Mamukina G. I., Minova M. V. *Blue Flower* as a Symbol of Noble Affairs and Immortality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2020, no. 1, pp. 115–124.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-115-124